
Д. Н. ЛЕЛЮХИН

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ И ИХ РОЛЬ В СТРУКТУРЕ ИНДИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Политическая история Индии, особенно в классическую эпоху поздней древности и раннего Средневековья – именно в то время, когда создавались многие выдающиеся памятники санскритской текстовой культуры, – представляет собой калейдоскоп сменяющих друг друга династий и царств. О многих из них мы знаем крайне мало, иногда только имена правителей, сохранившиеся в надписях. Не имеем мы информации и о внутренних конфликтах, борьбе на разных уровнях, которые, казалось бы, должны были сопровождать практически во всех известных нам случаях внешне довольно безболезненную смену верховной власти в том или ином регионе. Конечно, мы должны учитывать, что подобная информация могла попросту не сохраниться до нашего времени. Вместе с тем мы вправе искать и иные объяснения для упомянутой легкости, с которой, как можно судить по сохранившимся источникам, царства и династии сменяли друг друга на политической арене, а именно – в особенностях организации традиционного индийского общества и государственности.

Постановка проблемы социально-политического устройства общества, выявление связанных с этим устройством особенностей индийской государственности в древности и раннем Средневековье является крайне важной задачей не только для исторических дисциплин, но и для многих иных областей индологии. Так, например, крайне сложно анализировать литературный памятник, не задавая себе вопроса о том, в каком обществе он появился, как было организовано это общество, в рамках которого он функционировал. Без сколько-нибудь четкого ответа на эти и иные схожие вопросы, на мой взгляд, не только целый пласт информации источника о современном ему обществе, но и сам источник не может быть правильно

понят и интерпретирован. Причем особую роль в постановке таких проблем играет исторический подход к источникам.

В настоящее время вполне ясно, что целый ряд явлений индийской истории и культуры несводим к наименованиям, которые чаще всего мы к ним прилагаем, рассматривая, например, дхармашастры как «сборники законов» (Вигасин 1990). Определенным анахронизмом остается сохраняющееся у некоторых специалистов представление об «Артхашастре» как о памятнике, излагающем «теорию государственного управления» (в современном смысле слова). Аналогичным образом в отдельных исследованиях сохраняется сходное модернизированное описание особенностей ряда конкретных реально существовавших древних и раннесредневековых индийских государств. На мой взгляд, большинство терминов-понятий, которыми описываются «государственные реалии», перевод их санскритских аналогов, закрепленный в основных словарях (что особенно важно)¹, имеющих в распоряжении историка и санскритолога, давно требуют новой интерпретации или серьезной коррекции их содержания. Нельзя не учитывать также, что такие переводы обосновывались социологическими концепциями, господствовавшими в XIX – начале XX в. (Лелюхин 1993). Нередкий отказ от анализа контекста при буквальном следовании традиционному переводу «государственной» терминологии (и для «Артхашастры», и для ряда иных индийских текстов, в том числе эпитафий) не может привести к пониманию содержания текстов.

В рамках настоящей статьи я хочу обратить внимание на важную особенность организации индийского общества и государства, которой, на мой взгляд, всегда уделялось недостаточно внимания, а именно: на значение и роль местных организаций *коллективного* характера, по происхождению не являвшихся «государственными», но выполнявших «государственные» функции; на организации, являвшиеся важнейшей структурной частью государства, которые обеспечивали, по моему мнению, жизнеспособность и континуитет индийского общества при постоянных изменениях в верхних его

¹ Большая часть специфической «административной» лексики, например из «Артхашастры», широко встречается в иных санскритских текстах. Поэтому можно легко проследить изменения в ее толковании, произошедшие после открытия этого текста, сравнивая статьи в словаре О. Бетлинга (подготовленном до открытия «Артхашастры») с аналогичными статьями, например, в словаре М. Моньер-Вильямса.

структурах. Отправной точкой для настоящей работы было предшествующее исследование надписей Личчхавов² из долины Катманду (IV–VIII вв.), в рамках которого было отмечено последовательное развитие взаимоотношений царей из переселившегося в Непал рода Личчхавов и местных доличчхавских коллективных организаций – *адхикаран* (термин, в индийской историографии обычно переводится как *ведомство*³). Как минимум до VII в. *адхикараны* использовались Личчхавами в качестве одного из важных звеньев их государственной организации (Лелюхин 2004). На одном аспекте упомянутого исследования, а именно – на определении характера организаций, именуемых в надписях *адхикарана*, на их значении в рамках индийского государства хотелось бы остановиться специально. В связи с этим я предлагаю обзор современных Личчхавам надписей времени Гуптов, найденных в соседних с Непалом областях Бихара и Бенгала. Следует сразу оговориться, что ряд важных вопросов, прямо вытекающих из содержания и анализа этих источников, в том числе вопрос о собственности на землю, в настоящем сообщении подробно обсуждаться не будет.

Итак, основным источником для настоящего исследования являются 14 так называемых дарственных грамот на медных табличках времени Гуптов, 11 из них датированы 432–544 гг., дата одной грамоты времени Будхагупты не сохранилась, а две грамоты Дхармадиты довольно уверенно датируются концом первой половины VI в. н. э. (все тексты, о которых идет речь в статье, опубликованы в различных выпусках «*Epigraphia Indica*» и издании Д. Ч. Сиркара [Sircar: 1942]).

Первая из таких надписей (из Дханайдаха), датированная 432 г., в значительной степени повреждена. Однако сохранившиеся ее части позволяют восстанавливать содержание как обращение служащего или слуги (*аюктака*) вишну к членам «*адхикараны* восьми семей деревни» (*грама-аштакула-адхикарана*), среди которых перечисляются как минимум 17 имен. Несколько упомянутых здесь лиц – брахманы, а один именуется членом *гоштхи* (*гоштха-*

² Личчхавы – древнеиндийские племена, обитавшие к северу от долины Ганга.

³ Именно эпиграфика (надписи), как уверенно можно судить по отсылкам Большого Пунского словаря, стала важнейшей основой для «административного» перевода термина *адхикарана* авторами словаря.

ка)⁴. Обращаясь к членам «*грама-аштакула-адхикараны*», *аюктака* извещает их о своем желании (и, по-видимому, просит о разрешении) купить участок земли для дарения брахману-*самаведину* по цене, как здесь говорится, принятой в «области» (*вишае*) Кхадатапара. Мнения издателей надписи относительно интерпретации термина *адхикарана* различаются несущественно: Р. Г. Басак считал ее подобной организации, именуемой *панчамандали*, похожей на *панчат*, Д. Ч. Сиркар – «*офисом панчат* в деревне».

В надписи от 440 г. н. э. из Кулайкури (Султанпур) *аюктака* Ачьютадаса из области (*витхи*) Шрингавера обращается к членам *адхикараны*, брахманам и иным домовладельцам (*кутумбинам*) четырех деревень. Далее как оповещенные перечислены 86 имен главных (*пурога*) среди *витхи-махаттаров*. Возможно, они и были членами упомянутой в обращении *адхикараны*, делегированными, как считают издатели надписи, от четырех деревень, о которых здесь идет речь. Далее в надписи излагается суть обращения к членам *адхикараны*. Один ремесленник (судя по тому, что он назван *витхи-кулика*, явно не простой), семь писцов-*каястхов* и двое «хранителей записей» (*пустапала*) желали бы купить по принятой в этой *витхи* цене несколько участков пустующей земли для последующего ее дарения трем брахманам и просят *адхикарану* разрешить эту сделку. Примечательно, что в заключении дарения, там, где в более поздних грамотах обычно содержится обращение к будущим царям о необходимости защищать дарения земли, такие рекомендации обращены к «правителям области» (*вишайпати*), «слугам» (*аюктака*), домовладельцам (*кутумбинам*) и членам *адхикараны*.

Первая из знаменитых Дамодарпурских табличек, датированная 444 г. н. э., содержит обращение Чирадатты, правителя (*упарика*) области (*бхукти*) Пундравардхана, который декларирует свою покорность царю Гуптов Кумарагупте. Оно адресовано *кумараматье*

⁴ В Непале *гоитхи* (соврем. *гитхи*), сведения о которых мы находим и в ранних индийских надписях, сохранились вплоть до настоящего времени. Они продолжают оставаться организациями, сформированными по родовому или кастовому признаку (что в данном случае выглядит тесно взаимосвязанным). По-видимому, они сохранили многие свои важные права и функции преимущественно религиозного и благотворительного характера: поддержку и обеспечение социальных и религиозных традиций, обеспечение исполнения семейных или родовых культов, совершение посмертных церемоний и ритуалов, празднеств и шествий, управление хозяйством родовых и местных святилищ, храмов, присмотр за колодцами, водоемами, каналами, дорогами, мостами, приютами, убежищами для паломников, странников, и иные. См. подробнее о «гитхи» в Непале в XVIII–XX вв.: Regmi 1976: 15–21, 46–70.

Ветраварману, слуге или служащему (*нюктока*) в области (*вишая*) Котиварша, и находящимся во главе *адхиитхана-адхикараны* (городского совета) главе гильдии городских торговцев (*нагара-шреитхин*) Дхритипале, «главе» караванщиков (*сартхаваха*) Бандхумитре, старейшинам ремесленников (*пратхама-кулика*) и писцов (*пратхама-каятха*) Дхритимитре и Шамбапале. Суть текста сводится к изложению просьбы брахмана Карпатики, чтобы ему разрешили купить участок земли. Соответствие такой покупки традиционным нормам заверено тремя местными служащими – «хранителями записей» (*пустапала*).

Вторая Дамодарпурская табличка от 447 г. содержит аналогичное обращение упомянутого Чирадатты ко всем отмеченным выше персонажам, суть которого сводится к изложению просьбы о разрешении покупки земли иному покупателю (имя его не сохранилось). Соответствие покупки правилам подтверждено теми же *пустапалами*.

Надпись из Байграма от того же 447 г. содержит обращение *кумараматхи* Кулаваридхи к «областному совету» (*вишая-адхикарана*), брахманам и главным (*прамукха*) среди домовладельцев (*грама-кутумбин*) двух деревень. Содержание обращения сводится к просьбе о разрешении покупки двум домохозяевам трех участков земли по цене, принятой в этой области-*вишае*, для последующего дарения их храму Говиндасвамина. После того, как сделка заверяется *пустапалами*, в тексте предлагается упомянутым домовладельцам («в месте, не препятствующем вашему собственному земледелию») с помощью обмерщика земли отделить границы купленной земли мякиной, углем и иными пограничными знаками.

Датированная тем же 447 г. надпись из Джагдишпура содержит обращение уже известного нам по надписи из Кулайкури *аюктаки* Ачьюты к членам *адхикараны* (совета), брахманам, «большим людям» (*прадхана*) и иным домовладельцам (*кутумбинам*) двух деревень. В отличие от надписи из Кулайкури, где среди оповещенных перечислены 86 имен, здесь упомянуты лишь 32 имени. Возможно, это было связано с тем, что дело касалось двух, а не четырех деревень, и соответственно обращение было адресовано представителям двух деревень в областной *адхикаране*. Эта деталь общественного устройства представляется очень важной. Суть просьбы трех домовладельцев (*кутумбинов*), два из которых были жителями одной из упомянутых в обращении деревень, сводится к разрешению

им покупки земли для последующего ее дарения *архатам*, проживавшим в святилище у селения Мечикамра, иным *архатам* для совершения *пуджи* в вихаре и вихарике у деревни Гульмагандхика, а также для поддержки храма бога солнца (Сахасра-рашми). Соответствие этой сделки и цены земли областным правилам было подтверждено, как обычно, *пустапалами* (хранителями записей). И земля, как здесь говорится, после получения от покупателей соответствующей суммы ремесленником (*куликой*) Бхимой, по видимому, представителем *адхикараны*, была передана членам буддийских общин Балакунде и Шраманака-ачарье, а также общине храма Солнца (Самбапура). Как и в надписи из Кулайкури, в заключении говорится о необходимости заботиться о сохранении дарения и защищать его. Причем рекомендации эти обращены к «правителям области» (*вишьяпати*), «слугам» (*аюктака*), домовладельцам (*кутумбинам*) и членам *адхикараны*.

Надпись из Пахарпура, датированная 479 г., содержит обращение *аюктаки* и *адхиитхана-адхикараны* во главе с руководителем гильдии городских торговцев (*арья-нагара-шреитхин*) к жителям (брахманам, *кутумбинам*, *махаттарам* и другим) трех деревень, две из которых, видимо, платили подати или были подвластными (*правешья*) правителю (*мандалике*) Нагиратте, а одна – некоему Джамбудеве. Из текста следует, что брахман Натхашарман и его супруга обратились в упомянутую *адхиитхана-адхикарану* («здесь в вашей *адхикаране* происходит продажа участков земель...») с просьбой о покупке участков пустующей земли, чтобы подарить ее затем джайнскому учителю (*нигрантха-шрамана*) Гуханандину и иным *архатам*, проживавшим вместе с ним в вихаре. Далее говорится, что 7 *пустапал* подтвердили соответствие сделки правилам *адхиитхана-адхикараны* и здесь же, в *адхикаране*, была совершена уплата денег за покупку. После этого, как говорится в надписи, было предложено жителям деревень выделить землю «в месте, не препятствующем осуществлению их собственного земледелия».

В третьей надписи из Дамодарпура от 482–483 гг. содержится обращение правителя (*упарики*) области (*бхукти*) Пундравардхана, теперь уже махараджи Брахмадатты, к представителям местной «*адхикараны* восьми семей» (*аштакула-адхикарана*). Текст сводится к изложению просьбы деревенского жителя Набхаки о разрешении ему *адхикараной* покупки земли, чтобы он мог приютить нескольких брахманов. Как и в предыдущих случаях, говорится о

том, что после получения со стороны *пустапалы* подтверждения соответствия сделки правилам о продаже (*викрая-марьяда*), после передачи необходимой суммы Капиле и Шрибхадре, по-видимому, представителям *адхикараны*, земля была передана получателю дарения. Причем в данном случае определение границ участка, помеченных «знаками» Нагадевы, было совершено «*кутумбинами* и членами *адхикараны, махаттарами* и другими».

Содержание надписи из Нанданпура от 488 г. посвящено изложению просьбы правителя области (*вишьяпати*) к *адхикаране* (по-видимому, *вишья-адхикаране*, о чем мы можем судить из строк: «оповещает нас *вишьяпати* Чхатрамаха ... и в **вашей** *вишьяе* существует правило продажи участков земли и т. д.)). Правитель области обращается к областному совету за разрешением покупки участка земли, чтобы подарить его брахману. Как и в предыдущих случаях, после получения со стороны *пустапалы* подтверждения соответствия сделки правилам *вишьяи* о продаже, после получения от *вишьяпати* необходимой суммы земля была предоставлена брахману. Специально упомянуто, что земля отмерена рукой некоего Дарвикрамы и границы ее были помечены *кутумбинами* соответствующими знаками – мякиной, углем и иными.

Текст четвертой надписи из Дамодарпура, относящейся ко времени Буддхагупты (дата ее не сохранилась, но *упарика* декларирует свою покорность этому правителю), содержит обращение нового правителя (*упарики*) области (*бхукти*) Пундравардхана, махараджи Джаядатты, адресованное Шандаке, слуге или служащему-*аюктале* в области-*вишьяе* Котиварша, и находящимся во главе *адхиштхана-адхикараны* (городского совета) главе гильдии городских торговцев Рибхупале, «главе» караванщиков Васумитре, старейшинам ремесленников и писцов Варадатте и Випрапале. Суть этой надписи сводится к обращению одного из членов этой *адхикараны*, а именно – *нагара-шрештхина* Рибхупалы, ко всей *адхикаране*. Рибхупала просит *адхикарану* о разрешении ему покупки земли, которую он хотел подарить для постройки лингама и двух кладовых храмам Кокамукха-свамина и Шветавараха-свамина, в пользу которых он совершал иные дарения земли ранее. Как обычно, просьба заверена *пустапалами*, после чего говорится об определении границ купленной для дарения земли.

Пятая табличка из Дамодарпура датирована 543–544 гг. В этом тексте новый правитель области Пундравардхана махараджа Де-

вабхаттарака, сын махараджи и обладатель, как здесь говорится, «войска, состоящего из слонов, конников и пехотинцев», декларирует свою покорность царю Гуптов, имя которого сохранилось лишь частично. Девабхаттарака обращается к назначенному им в *вишайе* Котиварша *вишайapati* Сваямбхудеве и находящимся во главе *адхиштхана-адхикараны* (городского совета) главе гильдии городских торговцев Рибхупале⁵, «главе» караванщиков Стханудатте, старейшинам ремесленников и писцов Матидатте и Скандапале. Суть обращения махараджи сводится к изложению просьбы жителя Айодхьи, представителя знатного рода Амритадевы, к *адхикаране* о разрешении ему покупки участка земли, который он желает подарить упоминавшемуся ранее храму Шветаварахасвами. Далее, как и в предыдущих надписях, говорится о том, что сделка подтверждена *пустапалами* и определяются границы купленной земли.

Хотя грамоты Дхармадитьи из Фаридпура сформулированы сходным образом, ряд их отличий достойны упоминания. Первая, датированная третьим годом правления Дхармадитьи, начинается с поврежденной подписи «*адхикараны* Варака-мандалы», свидетельствующей о принадлежности данной копии *адхикаране* (аналогичная приписка имеется и на грамоте Гопачандры из Фаридпура). Далее, как и в ряде предыдущих грамот, упомянуты два царя: махараджа Дхармадитья – очевидно, «верховный правитель», махараджа Стханудатта – по-видимому, «подчиненный». При «*службе*» последнего (*тад-виниюктака*) Джаджаве, «исполнявшем функции» (*айога*) правителя области (*вишайapati*), некий Ватабхога, названный *садханикой* (возможно, это титул), обратился к областному совету, во главе (*пурога*) которого находились перечисленные здесь 16 *вишай-махаттаров*. И эти «члены [совета]» (*пракртаях*) были, как здесь говорится, оповещены *садханикой* Ватабхой о желании последнего купить участок земли по принятой в области цене, чтобы подарить его брахману. Все основные этапы совершения этой сделки (обращение в *адхикарану*, подтверждение *пустапал*, передача денег, определение границ, передача подаренной земли и подготовка медной таблички) следуют традиции и фразеологии, зафиксированной в более ранних грамотах. Другая грамота

⁵ Если это тот же Рибхупала, что упомянут в надписи времени Буддхагупты, получается, что он сохранял свое место в течение длительного промежутка времени – около 30 лет.

Дхармадитьи наряду с упоминанием самого верховного царя говорит о *махапратихаре упарике* Нагадеве, во время правления (*адхьясана*) которого *вишайя-адхи-ниюктака* (главный *ниюктака* в *вишайе*) вместе с неким Васудева-свамином обратился к *адхикарану* во главе с «главным писцом» (*пратхама-каястха*) и «областными» *махаттарами* с просьбой о покупке земли, чтобы подарить ее брахману. Далее в грамоте зафиксированы все обычные этапы совершения этой сделки.

И хотя содержание перечисленных грамот, безусловно, требует более детального и подробного рассмотрения, даже общий анализ их содержания позволяет сделать ряд принципиальных выводов. В рамках державы Гуптов во время правления Кумарагупты I (при котором, как считают большинство исследователей, держава Гуптов достигла максимального могущества), при последующих царях из династии Гупта после распада их державы в Бенгале и Бихаре зафиксировано существование различных по уровню коллективных организаций, именуемых *адхикарана*, выполнявших важные, в том числе и государственные, функции – контроль в сфере купли-продажи пустующей земли и функцию регистрации таких сделок. И хотя мы не имеем достаточно информации, чтобы судить о степени развития частной собственности на землю, безусловным представляется, что утверждения о существовании общегосударственной земельной собственности, как минимум для времени Гуптов, не имеют под собой никакого основания.

По-видимому, *адхикараны* были важным звеном системы налогообложения в державе Гуптов – неслучайно *пустапалы* (хранители записей), подтверждая соответствие сделки традиционным нормам (*адхикараны*, области-*вишайи*, *витхи* и т. д.), в ряде случаев добавляют, что сделка «не приносит вреда царской выгоде» (*раджартха*), а земля, о которой идет речь, называется не только необлагаемой (*апратикара*), но и одновременно не приносящей доходов (*самудая-бахья*). Особо важным является то, что таковой она именуется *до* совершения покупки. И в этом нет ничего необычного – ведь она пустующая, не принадлежащая конкретному хозяину, который мог бы платить подати в адхикарану и далее – царю.

Во время Гуптов существовала, по-видимому, целая система таких организаций. Во всяком случае, они зафиксированы на самом нижнем уровне (*ашита-кула-адхикарана*), на уровне различных об-

ластей (*вишья-адхикарана, витхи*) и в рамках городских центров (*адхитхана-адхикарана*). Состав их мог быть различным, среди членов *адхикаран* перечисляются брахманы, влиятельные «домохозяева» (*кутумбины*), «старейшины» (*махаттары*) различного статуса, в том числе «старейшины области», представители или главы ведущих гильдий (торговцев, караванщиков, ремесленников, писцов). Однако функции таких организаций, традиционный порядок совершения покупки пустующей земли, как он зафиксирован в грамотах, примечательно единообразны независимо от уровня *адхикараны*. Такой порядок, сохранявшийся вне зависимости от того, кто являлся верховным или местным правителем в той или иной области и кто совершал покупку и дарение, выглядит не менее примечательным. Здесь также, на мой взгляд, можно видеть определенную систему. Любому желающему купить участок земли, чтобы подарить его храму, брахману, буддийской вихаре или джайнскому учителю (брахман, деревенский житель, *грамика*, ремесленник и группа *каятхов*, правитель *вишаи, вишьяпати, шреитхин*, сам член *адхикараны*), должен был обращаться за разрешением через местного правителя или «слугу» (*аюктака*) к *адхикаране*, в рамках которой совершалась и регистрировалась такая сделка, о чем, как говорится в нескольких грамотах, и давались «медные таблички» (*тамра-патта*), сохранившие до нашего времени информацию о таких сделках.

Отдельные детали участия местных органов в процессе земельных и иных дарений зафиксированы в самых ранних из дошедших до нашего времени надписях дарственного характера. Дарение Ушабхадатты, зятя шакского кшатрапы Нахапаны, датированное 42 г., включало предоставление монашеской организации пещерного храма (*лена*) и денежных вкладов под проценты в различные *шрени* (корпорации) Говардханы. И оно, как говорится в тексте, «было заслушано на сходке городской общины» (*нигама*) и лишь затем было зафиксировано на досках соответственно обычаям. В приписке к самому раннему дарению Бхулунды, первого царя Багха (датировано 358 и 367 г. н. э.), говорится, что оно по личному поручению царя и по просьбе брахманского совета (*брахмана-париишада*)⁶ было оформлено на медной табличке. По-видимому,

⁶ В надписях Личчхавов также зафиксировано участие брахманских советов-*париишадов* в земельных дарениях. В дарении храму Шивы времени Джишнугупты говорится о собрании

важная роль местных органов сохранялась и в послегуптское время. Текст дарения Нарендры, первого царя из династии Шарабхапуриев, найденный в деревне Куруд (надписи Шарабхапуриев мы приводим по публикации: Sastri 1995), фиксирует целую историю. Деревня Шивилингака была подарена царем во время его купания в Ганге (очевидно, ритуального омовения в связи с военными победами) Бхашрута-свамину. Но грамота на пальмовых листьях (*талатра-шасана*), фиксировавшая это дарение, погибла при пожаре в доме получателя. Поэтому после **подтверждения в адхикаране** прав получателя дарения была, как здесь говорится, высечена медная табличка, дошедшая до нашего времени и по-новому фиксировавшая дарение (39.5–13). Примечательно, что в этой грамоте и в первом дарении последующего царя, Джаяраджи, *адхикарана* упоминается даже как исполнитель функции «посланца» (39.14; 41.17.), организатора церемонии дарения. Обычно же эти функции исполнялись знатными придворными, нередко наследными царицами или представителями ближайшего окружения царя.

Наше исследование было бы неполным, если бы мы не попытались понять, каким образом система коллективных организаций взаимодействовала с царской властью, каким образом и насколько *адхикараны* были интегрированы в «государственную организацию» в древности. Ряд ответов на эти вопросы дают нам те же надписи. В знаменитых Дамодарпурских таблицах намечается даже некая «административная» вертикаль: царь Гуптов – глава (*упарика*) области (*бхукти*) Пундравардхана – его слуга (*тан-ниюктака*) в области-вишья Котиварша, функционировавший параллельно с *адхиштхана-адхикараной*. При сохранении традиционного состава и структуры *адхиштхана-адхикараны* в Дамодарпурских табличках прекрасно видна эволюция так называемого чиновничества гуптского времени. Уже при Буддхагупте *упарики* называют себя *великими царями* (упоминаются махараджа Брахмадатта, Джаядатта и Девабхаттарак в грамоте от 224 г. эры Гупта), а *ниюктакой* в последней грамоте назван правитель (*вишьяпати*). При переходе к более низкому уровню управления источники позволяют предполагать присутствие наряду с местной *аштакул-адхикараной* своего для этой территории слуги-*аюктаки* (как в случае надписи из Дха-

(паришаде) *Мунда-ширинкхалика* (бритых аскетов), учителей-последователей Пашупати, представители которого получали участки земли.

найдаха) или, вполне возможно, присутствие его подразумевается (надписи из Дамодарпура, 163 г. эры Гупта), ведь в качестве такого *аюктаки* мог выступать просто глава деревенской организации. Частое употребление именно этого крайне общего термина в эпиграфике показательно. Нельзя не указать на аналогично широкое использование понятия *слуга* в «Артхашастре» (см.: Вигасин, Самозванцев 1984: 148–51; Лелюхин 2001: 22–27).

Как разные, но также и равные по значению участники административных действий, фиксируемых в грамотах, выступают *аюктака* и *витхи-адхикарана* (Кулайкури – 120 г., Джагдишпур – 128 г. эры Гупта), *аюктака* и *адхиштан-адхикарана* (Пахарпур – 159 г. эры Гупта), *кумараматья* и *вишья-адхикарана* (Байграм – 128 г. эры Гупта), *вишьяпати* и (*вишья*)-*адхикарана* (Нанданпур – 169 г. эры Гупта), *вишья-адхиноюктака* и *адхикарана* в надписи из Фаридпура. Довольно примечательной выглядит титулатура «посланца» (*дутака*) в надписи Вайньягупты из Гунайгхара, *махараджи махасаманты* Виджаясены. Наряду с традиционными пышными придворными титулами *махапратихара* и *махапилупати* он называет себя «главой правителей» (*пати-упарика*), «главой защитников городов» (*пурнап-упарика*, что в принципе выглядит сходным – защитник города и есть его правитель) и, что следует выделить особо, – главой пяти *адхикаран* (*панча-адхикарана-упарика*). Здесь же упоминается особая (или по-особому представленная в надписи) *адхикарана*, название которой мы переводим как «присутствие по спорам и соглашениям» (*сандхи-виграха-адхикарана*)⁷, писцом-каестхой из которой была зафиксирована грамота.

Дополняет представленную картину анализ немногочисленных надписей на печатях гуптского времени II–V вв., даже учитывая то, что ни о чем более, чем о принадлежности печати конкретным реальным организациям, эти надписи не говорят. Перечислим некоторые из них:

1. (Печать) *адхикараны кумараматьи* (буквально «сподвижник-царевич», придворный титул) в Тире.

⁷ Обычно переводится буквально как «ведомство войны и мира», хотя никаких подтверждений для такого перевода не существует. Глава этой адхикараны или ее представитель, как в данном случае, были задействованы явно в иной сфере – они упоминаются в источниках преимущественно как лица, фиксирующие земельные дарения.

2. (Печать) *адхикараны упарики* в области (*бхукти*) Тира.
3. (Печать) *адхикараны*, восстанавливающей⁸ должные нормы поведения (*виная*) в области (*бхукти*) Тира.
4. (Печать) *адхикараны кумараматьи*, склоненного к ногам наследного царевича (*ювараджи*).
5. (Печать) *адхикараны кумараматьи*, склоненного к ногам Шри Парамабхаттараки (правителя державы).
6. (Печать) *адхикараны кумараматьи*.
7. (Печать) *адхикараны* области (*вишья*) Самахарша. (Тексты приводятся здесь по: Choudhary 1958: 8–9; Marshall 1911/1912).

Все сказанное выше позволяет утверждать, что коллективная форма правления и органы власти (специфические *советы* или *присутствия*) наряду с персонализированной формой власти и ее различными представителями (знатью, различными «правителями», «главами», «начальниками» и просто «важными» людьми) являлись важным элементом государственной структуры и на высшем уровне. Вся Индия состояла из «коллективов разного рода, крупных и малых, тесно связанных между собой, входящих один в другой или взаимно пересекающихся» (Вигасин, Самозванцев 1984: 145). Вполне логична поэтому особая роль «коллективной» власти, коллективных органов управления на разных уровнях индийской государственности, отраженная в том числе и в концепции «идеального государства» в «Артхашастре».

Структура общества в концепции этого текста выглядит как комплекс организаций и коллективов различного рода, во главе которых находились различные представители группы «господ-правителей». Часть таких организаций являлась объединением (нередко неравноправным) более мелких организаций. Деревенская община – *грама*, во главе которой находился староста или «господин деревни», являлась объединением группы домохозяйств во главе с домохозяевами. Деревни, в свою очередь, включались в рамки более широкой территориальной общины («пять-десять деревень», или «*деша*»). Несколько таких территорий включались в рамки царства вместе с городами, территориями, подвластными различным «начальникам», зависимым государям (*саманта*, *дандопаната*), вождям лесных племен. Царство (*раджья*) во главе с

⁸ Нередко термин *виная-стхити-стхапака* рассматривают как обозначение специфического чиновника «ведомства морали» по аналогии с «*дхарма-махаматрами*» Ашоки.

царем (*раджан*) представляется в трактате как объединение территорий более мелких, зависимых государей, территорий, подвластных сановникам – *махаматрам*, начальникам – *мукхьям*, вождям лесных племен и другим. В свою очередь царство включается в объединение более высокого порядка – державу-*мандалу*. Широко используемое в индийской традиции понятие *мандала*, частный случай употребления которого служит для обозначения державы в КА, выглядит своеобразным алгоритмом для традиционного мироустройства, социально-политической структуры общества. Принцип построения «мандалы» (формальное единство территорий доминирующего и зависимых «господ-правителей») в рамках одного объединения, своего рода неравноправный *коллектив правителей*) приложим не только к структуре объединения царств, державе, но и к отдельному царству, и, скорее всего, к обществу в целом.

Часть таких органов коллективной власти были негосударственными, общинными или межобщинными. Использование царской властью в качестве «государственного аппарата» структуры местных общинных органов управления в своих, преимущественно фискальных, целях выглядит вполне закономерным с точки зрения формирования «государственного» общества «сверху». Это был наименее конфликтный путь для сохранения целостности государственности, учитывая, что авторитет местных организаций уже был признан. С другой стороны, исключительно важной ролью таких коллективов, их органов, на мой взгляд, определялась особенность формирования «государственного общества», интеграция индийского общества «снизу». С точки зрения основного населения, для которого основными границами еще длительное время оставались границы собственного участка, своей деревни, столь же долго основным авторитетом оставалась местная, традиционная власть (при признании верховной власти надлокальных организаций, местной знати и царя-защитника, в том числе в лице его различных представителей). То есть «государственное» общество в Индии существовало как результат интегративных тенденций в обществе и «сверху», и «снизу».

Приведенные нами сведения позволяют по-иному взглянуть на стойкий, существующий длительное время в европейской философской и исторической традиции стереотип представлений о деспотизме и о деспотическом *государстве* на Востоке, «прочной основой для которого являлась система сельских общин», о «бипо-

лярном единстве общин и возвысившегося над ними государства, олицетворенного деспотом». Следует подчеркнуть, что в отечественной литературе такой стереотип применительно к Индии (безусловно, одному из важнейших центров цивилизации на Востоке) базировался преимущественно на публицистических работах К. Маркса, опубликованных до начала полноценного изучения истории и культуры Индии, основанного на исследовании источников, – то есть аргументации такой точки зрения в российской индологии представлено не было. Стойкость стереотипа, который нередко воспроизводится в общих работах, преимущественно англоязычных, согласно которому в Индии существовала деспотическая форма государства, удивительна. Дело в том, что основополагающая для этой концепции гипотеза – утверждение о существовании в древности общегосударственной собственности на землю – обсуждалась в специальной индологической литературе лишь в начале XX в., преимущественно между представителями немецкой школы индологии. Итог этой заочной дискуссии, основанной на интерпретации материалов литературы *шастр*, уже в то время можно расценивать скорее как отрицание упомянутого утверждения. В последующей историографии серьезных работ, отстаивающих концепцию, согласно которой в Индии существовало деспотическое государство и государственная собственность на землю, так же, как и новых фактов, новых аргументов, просто не появлялось. Скорее наоборот – значительно изменилась оценка ряда источников (прежде всего литературы *шастр*), откуда черпали основные аргументы сторонники концепции государственной собственности на землю (Вигасин, Самозванцев 1984: 155–160). Еще более изменились представления об индийской сельской общине, которая в настоящее время совсем не выглядит неизменным, застойным элементом индийского общества (Алаев 1981; 2001). Более того, уже применительно к поздней древности и раннему Средневековью мы вправе говорить о многообразии и сложной структуре системы индийских общинных организаций, в рамках которых в течение длительного времени истории страны проживало основное ее население.

Как мы пытались показать в настоящей работе, коллективность, или «общинность», жизни (принимая в расчет, что такой коллектив на довольно раннем этапе истории страны превращается в неравноправный) не только стала основой для формирования различных

теоретических моделей мироустройства (или устройства царства) в его политическом аспекте в литературной традиции (как, например, в «Артхашастре»). Община и различного типа организации общинного типа (органы большой или территориальной общины, корпораций или городских общин, совет корпораций и т. п.) являлись важнейшей структурной основой для ряда конкретных крупных индийских государств, обеспечивая во многом управляемость на местах, выполняя фискальные и некоторые иные государственные функции.

Определяющая роль общины и иных коллективных организаций в рамках древнего и раннесредневекового государства в Индии позволяют по-иному взглянуть на процесс складывания администрации таких государств и процесс складывания государства вообще. В рамках представлений о деспотическом государстве на Востоке важнейшую роль наряду с утверждением о «верховной собственности государства на землю» играет утверждение о существовании бюрократического государства, бюрократии, обеспечивавшей существование такого государства и реализовывавшей деспотическую власть, связывавшей деспота и сельские общинные организации. Этот тезис никогда подробно не расшифровывался в специальных исследованиях (во всяком случае, применительно к Индии), несмотря на то, что он вызывает ряд весьма закономерных вопросов и сомнений, особенно если учитывать, что такая «бюрократия» появляется, как утверждает, в **наиболее древних** обществах, в которых основное население жило преимущественно в рамках общинных организаций. В таких условиях возникает закономерное сомнение, насколько в действительности она была бюрократией, сформировавшимся слоем управленцев, получавшим основные средства для существования исключительно за счет исполнения своих функций, имевшим собственные корпоративные интересы, отличные от интересов иных слоев общества, насколько люди, занятые такого рода деятельностью, могли в условиях древнего общества и общинного строя оторваться от интересов и традиционных ценностей коллектива, в рамках которого они выросли и были воспитаны, где жили их предки и продолжали жить представители их семьи и рода.

Литература

Алаев, Л. Б.

1981. *Сельская община в Северной Индии*. М.: Наука.

2001. *Средневековая Индия*. СПб.

Вигасин, А. А. 1990. Предисловие. В: Пандей, Р. Б., *Древнеиндийские домашние обряды*. М.: Высшая школа.

Вигасин, А. А., Самозванцев, А. М. 1984. «*Артхашастра*». *Проблемы социальной структуры и права* (с. 148–151). М.: Наука.

Лелюхин, Д. Н.

1993. Государство, администрация и политика в «Артхашастре» Каутильи. *Вестник древней истории* 2.

2001. Концепция идеального государства в «Артхашастре» Каутильи и проблема структуры древнеиндийского государства. В: Лелюхин, Д. Н., Любимов, Ю. В., *Государство в истории общества (к проблеме критериев государственности)*. М.: ИВ РАН.

2004. Проблема формирования социально-политической структуры раннего общества и государства по сведениям эпиграфики (Непал периода Личчхави). В: Грантовский, Э. А., Степугина, Т. В. (отв. ред.), *Государство на Древнем Востоке*. М.: Вост лит-ра.

Epigraphia Indica. Vol. 1–41.

Choudhary, R. 1958. *Selected Inscriptions of Bihar*. Patna.

Marshall, J. H. 1911/1912. Excavations at Bhita. *Annual Reports of the Archaeological Survey of India* (pp. 29–94).

Regmi, M. G. 1976. *Landownership in Nepal*. Los Angeles: University of California Press.

Sastri, A. M. 1995. *Inscriptions of the Sharabhapuriyas, Panduvamshins and Somavamshins*. New Delhi.

Sircar, D. C. 1942. *Select Incriptions*. Calcutta.